https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-12-34
https://elibrary.ru/UGQONR

Для цитирования: *Касаткина Т.А.* Достоевский: история и аналитика. От редактора // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 12–34.
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-12-34

Достоевский: история и аналитика. *От редактора*

Уважаемые коллеги, дорогие читатели, 23 сентября 2025 года перешла предел этой жизни Татьяна Михайловна Горичева, философ, писатель, социальный преобразователь, человек, любивший Достоевского, показывавший его таким, каким он был в глубине, но главное — живший по нему. Она зарабатывала годами огромные деньги — и ничего не скопила, все отдавая людям, начинающим и развивающим социальные проекты, восстанавливающим храмы, нуждающимся — или даже просто желавшим поживиться на ее счет[1]. Приглашала на свои (в какой-то момент — уже скудные) средства в Париж нищую тогда интеллектуальную элиту России, потому что «русские интеллектуалы должны видеть Париж». Спасала попавших в беду животных, потому что любила — и потому, что они наши безгрешные братья и «с ними Христос еще раньше нашего» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 268]. Иногда выглядела надменной — когда говорила те слова, коих считала себя не властелином, но слугой, рупором, герольдом, и как герольд обеспечивала им торжественное звучание. Часто выглядела открытой и смущенной — когда говорила как бы от себя. Почему-то про нее не выговаривается «умерла». Она —

[1] Напомню, как Достоевский описывал отношение к деньгам главного героя своего итогового романа: «Алексей непременно из таких юношей вроде как бы юродивых, которому попади вдруг хотя бы даже целый капитал, то он не затруднится отдать его, по первому даже спросу, или на доброе дело, или, может быть, даже просто ловкому пройдохе, если бы тот у него попросил» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 20]. Такое отсутствие подозрительности к свидетельству человека о своей нужде наглядно демонстрирует высоту точки обзора благодетеля: просящий и вымогающий, даже если у него всего очень много, потому и вымогает, что не может заполнить огромную дыру в своей душе теми благами, которыми он пытается ее завалить. По-человечески — его алчность нужно ограничить. Но душа божественная сострадает, видя такой ненасытимый голод — и отдает не потому, что обманута, но потому что слишком остро ощущает невнятную другим неизбывную нужду того, у кого как бы «все есть».

ожила, я думаю. И смотрит сейчас вокруг с прежней — и большей — приветственной радостью и неуемным интересом, с которыми прожила всю здешнюю жизнь. Добрый путь тебе, дорогая! Тебе и там, за порогом, будет много дела.

Посвященный ей некролог, написанный Николаем Подосокорским, мы публикуем в **рубрике «In memoriam»**.

1–3 октября прошла последняя в этом году конференция нашего Центра — III международная онлайн-конференция «Книга в книге», посвященная памяти великого русского филолога Александра Викторовича Михайлова. На ней были сделаны 59 докладов участниками из 5-ти стран (России, Германии, Нидерландов, Сербии и Хорватии) и 19-ти российских регионов (Алтайского края, Владимирской области, Волгоградской области, Дагестана, Краснодарского края, Крыма, Москвы, Нижегородской области, Новгородской области, Новосибирской области, Пермского края, Псковской области, Санкт-Петербурга, Самарской области, Саратовской области, Свердловской области, Томской области, Хакасии, Ярославской области). Это ежегодная конференция, всегда проходящая в этих числах, так что желающим принять в ней участие можно уже начинать готовиться к следующему году. Конференция собирается вокруг теоретической проблемы присутствия книг ***как прямо упомянутых автором или героями, а также созданных героями*** текстов — и как ***материальных предметов, участвующих в сюжете,*** в произведениях мировой литературы и культуры[2]. Тех, кто будет присылать заявки на участие в конференции, мы очень просим обратить внимание на выделенные формулировки, потому что несоответствие им предлагаемой темы с немалой вероятностью послужит причиной для отказа в участии.

VII международная онлайн-конференция нашего Центра, посвященная **современному состоянию изучения творческого наследия Достоевского**, вторая конференция, посвященная исследованию малых форм: **«Достоевский: малые формы II»**, запланирована на 28 февраля–2 марта 2026 года. Первая (VI международная) конференция по малым формам собрала ученых из разных регионов

[2] Обзор предыдущей конференции «Книга в книге» см.: [Подосокорский, 2024]. Краткий отчет и полные видеозаписи конференции 2025 года можно посмотреть здесь: https://dostmirkult.ru/ru/konferentsii/1306-otchet-o-iii-mezhdunarodnoj-nauchnoj-onlajn-konferentsii-kniga-v-knige-posvyashchennoj-pamyati-aleksandra-viktorovicha-mikhajlova-1938-1995-1-3-oktyabrya-2025

России, а также из США, Японии, Греции, Сербии, Азербайджана. На ней были сделаны 40 докладов, посвященных как теории малых форм, так и конкретному анализу произведений малой формы в творчестве Достоевского, проведен заключительный круглый стол «Что мы можем сказать о теории и классификации малых форм по результатам конференции». Подробный аналитический обзор конференции (как докладов, так и идей, высказанных в обсуждении), сделанный мной, с полным теоретическим установочным докладом и ссылками на видеозаписи конференции и круглого стола мы публикуем в **рубрике «Рецензии, обзоры»**. Желающим принять участие в конференции по малым формам 2026 года будет полезно с ним ознакомиться.

На апрель 2026 года (точные числа будут известны позже) запланированы XXVIII Международные чтения «Произведения Ф.М. Достоевского в восприятии читателей XXI века» — наша обучающая конференция для исследователей всех возрастов и всех уровней квалификации, проводимая очно в Старой Руссе в сотрудничестве со старорусскими музеями Достоевского (филиалами Новгородского музея-заповедника). Заочное участие предусмотрено только для иностранных исследователей, не имеющих возможности приехать по объективным причинам. На эту конференцию можно также присылать заявку на участие без доклада, в качестве слушателя и участника обсуждения и круглых столов (со сведениями о себе) — мы включаем таких участников в программу и очень ценим их вклад в общую научную и учебную работу на конференции. В 2026 году чтения состоятся вокруг повести «Хозяйка» — это произведение обязательно к прочтению всеми участниками конференции для обеспечения возможности участия в обсуждениях и круглых столах. Однако свои доклады участники могут подготовить также и по другим произведениям Ф.М. Достоевского.

В 2021–2025 годах вышло большое число изданий, посвященных Достоевскому и его творчеству, его времени, его кругу общения. Они пока далеко не полностью освоены научным сообществом, недостаточно включены в научный контекст. Мы готовы предоставлять страницы журнала для публикации обстоятельных и содержательных рецензий (в том числе — критических и полемических) на вышедшие в 2021–2025 годах книги и сборники. Также мы всегда открыты для публикации содержательных обзоров прошедших конференций.

Мы с большой радостью поздравляем нашего постоянного автора Петра Александровича Дружинина, ставшего лауреатом одной из главных книжных премий года — профессиональной гуманитарной и книгоиздательской премии «Книжный червь» — в номинации «Якоря памяти». Церемония вручения состоялась 26 ноября 2025 года.

В этом номере в **рубрике «Герменевтика. Медленное чтение»** публикуется статья Татьяны Магарил-Ильяевой, посвященная трансформирующей функции мотива «выход из города» в ранних произведениях Достоевского. Анализируя этот повторяющийся мотив на фоне определения того, что такое «новое» и «новость» в фельетонах писателя, исследовательница показывает, что новое для Достоевского — это способность увидеть то, что видят все, так, как этого никто кроме тебя не видит; сказать о том, на что смотрят все, своими словами: то есть новизна заключается не в предмете, а во взгляде. И вот выход героя из города перестраивает его зрение, дарует ему способность видеть истинно новое (даже если герой не может удержаться в этом видении): мир, не ограниченный «насущным видимо-текущим», не скованный и не разделенный границами индивидуумов, открытый братскому общению; мир, распахнутый за свои трехмерные пределы, в которых создается и в которых только и может существовать непроницаемая, ограничивающая дух материальность.

Попутно она, на мой взгляд — предельно внятно, показывает, почему спорный фельетон от 13 апреля 1847 года не имеет своим автором Достоевского.

Вторая статья рубрики, пера Катерины Корбеллы, описывает шекспировский подтекст «Бесов», за счет ряда прямых, внезапных для читателя и, на первый взгляд, малообоснованных (и потому поражающих и удерживающих внимание) отсылок становящийся почти сплошным. Раскрывается его функциональность как движителя сюжета и комментария к глубинным смыслам действий и состояний персонажей (особенно к теме самозванства), как проявителя нюансов авторской мысли; его аксиологическая роль в романе. Нужно отметить удивительно точное (и в этом качестве не единственное), порождающее многие следствия (касающиеся характера выстраивания Достоевским супратекстовых структур своих романов посредством выбора «опорных» книг) — и неожиданное (хотя после указания на него ощущающееся как очевидное) — высказывание исследовательницы о том, что самым шекспировским текстом До-

стоевского оказывается именно тот, что наиболее явно укоренен в историко-политическом процессе — в силу того, очевидно, что, по словам исследовательницы, Шекспир показывает, как процесс ***личного преображения*** влияет на исторический и политический процесс в стране.

Публикуемая в **рубрике «Поэтика. Контекст»** статья Николая Подосокорского посвящена рассказу «Отставной» — и это первое в истории достоевистики специальное большое исследование произведения, входившего в диптих «Рассказы бывалого человека», а затем, при переработке ранних рассказов для собрания сочинений 1860 года, как бы *растворившегося* в «Честном воре». *Остаток*, в «Честного вора» не вошедший, печатается в академических собраниях сочинений в «Вариантах прижизненных изданий» к «Честному вору». Автор рассматривает «Отставного» в его первоначальном виде, как цельное, самостоятельное и *оригинальное* произведение, в аспекте отображения Наполеоновских войн в творчестве Достоевского, в современном первоначальному рассказу (а не его позднейшей переработке) литературном, культурном и жизненном контексте.

Вторая статья рубрики — пера Ольги и Михаила Дехановых — представляет собой увлекательнейшее погружение в историю шипучих вин, и прежде всего — шампанского; погружение, удивительно много открывающее в произведениях Достоевского, главным образом — в «Скверном анекдоте», но далеко не только в нем.

Так, описанное в статье «правило трех бокалов» позволяет и через эту деталь увидеть, что в ходе своего дня рождения обычно не пьющая вина Настасья Филипповна обдуманно и намеренно ставит себя на грань — или, вернее, выводит себя за грань измененного состояния сознания[3], чтобы смочь вступить на путь радикального

[3] «— Господа, не хотите ли пить шампанское, — пригласила вдруг Настасья Филипповна. — У меня приготовлено. Может быть, вам станет веселее. Пожалуйста, без церемонии. Предложение пить, и особенно в таких наивных выражениях, показалось очень странным от Настасьи Филипповны. Все знали необыкновенную чинность на ее прежних вечерах. Вообще вечер становился веселее, но не по-обычному. <…> В странных же, иногда очень резких и быстрых выходках Настасьи Филипповны, которая тоже взяла вина и объявила, что сегодня вечером выпьет три бокала, в ее истерическом и беспредметном смехе, перемежающемся вдруг с молчаливою и даже угрюмою задумчивостью, трудно было и понять что-нибудь. Одни подозревали в ней лихорадку; стали наконец замечать, что и она как бы ждет чего-то сама, часто посматривает на часы <…>» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 119].

выхода за пределы, на одном уровне прочтения, той социальной страты, к которой она приговорена пожизненно чужим грехом, над ней совершенным, а на другом уровне прочтения — той клетки мира, за пределы которой дано выходить князю Мышкину в минуту перед припадком. Она простоит на этой страшной грани весь роман — и именно поэтому предстанет сходящему в долину горизонтальной жизни и оглядывающемуся назад Мышкину в его видении «на цепи, за железною решеткой, под палкой смотрителя» [Достоевский, 1972–1990, т. 8, с. 289]. Те, для кого мир *естественное* место обитания, устраиваются в нем уютно, клеткой и цепью он становится только для тех, кто решился на выход.

Таким образом, «правило трех бокалов» становится в этом (и не только в этом) случае в позднем творчестве Достоевского неким аналогом-антонимом[4] «выхода из города» в ранних текстах.

В **новой рубрике журнала «Язык Достоевского»** публикуется в высшей степени эвристичная для литературоведов, содержащая интереснейшие наблюдения статья лингвиста Якова Тестельца, посвященная своеобразию языка двух персонажей романа «Бесы»: неграмматической речи Кириллова и капитана Лебядкина.

Надо заметить, что неграмматичность речи в «Бесах» свойственна далеко не только означенным персонажам (и далеко не только русской речи). Так фон Лембке «свой собственный племенной язык знал <...> весьма неграмматически» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 242], в четырех строчках записки молоденького самоубийцы «нашлось три грамматических ошибки» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 255], Marie бросит Шатову: «Грамматики не знаете» [Достоевский, 1972–1990, т. 10, с. 441]. На первый взгляд, можно констатировать, что непорядок, шатание, разруха в мире сопровождается разрухой и в языке. Интересно, однако, что Шатов возразит Марье: «Это в духе языка, Marie». Я думаю, это возражение годится не только для оправдания одного конкретного высказывания. Неграмматичность, как ни странно, в иных случаях способна резко повышать суггестивность, сгущенность, смысловую и/или эмоциональную насыщенность речи: корявые стянутые фразы Кириллова стоят философских

[4] Хотя, впрочем, мотив выхода за город антиномичен и сам в себе. Выход за город дарует новый взгляд — а что удастся с его помощью увидеть — зависит от сущности того, кому этот взгляд дарован, и — более очевидно — от точки на круге времени: так весна в «Белых ночах» и осень в «Хозяйке» производят очень разное действие на отверзающую внутренние очи душу героя.

трактатов[5], мелкие стишки Лебядкина разверзают эмоциональные бездны. А вот стертая *избыточная* речь Петруши Верховенского, как и плоская, прямолинейная, однoплановая, проговаривающая все до буквы «Светлая личность» (полагаю, все же его, а не Лебядкина, как предполагает Тестелец, авторства, на что почти прямо указано в романе) — это совсем другая история.

Приведу один пример, в котором очевидно, как грамматическая неправильность дает смысловую насыщенность — и как этого не видно из лингвистической парадигмы, но при этом именно благодаря ей становится видно из парадигмы иной. Автор пишет: «Однако большинство случаев спонтанного эллипсиса у Кириллова не только противоречат нормам литературного языка, но и вряд ли возможны в разговорной речи, где ограничения слабее. Например, Кириллов сокращает глагол-связку (43) или совпадающий с ним бытийный глагол (44) в контекстах, где такое сокращение недопустимо:

(43) *Тут всё пустяки, потому что Лебядкин ~~был~~ пьян* [92].

(44) *Я открывал глаза и не верил, потому что ~~было~~ очень хорошо* [188].

Отсутствие выраженного глагола воспринимается как форма настоящего времени, то есть Лебядкин пьян и переживание, описанное в (44), происходит в момент речи Кириллова, — чего он не имеет в виду» [Тестелец, 2025, с. 175].

Однако оба предложения в отсутствие глагола не начинают восприниматься как форма *настоящего* времени — они начинают восприниматься как выход за пределы времени, как форма *всегда*. В первом предложении это очевиднее, поскольку его можно понять как просто констатацию длительности и стабильности во времени. Нужное слово здесь легко подставить: «Тут все пустяки, потому что Лебядкин *всегда* пьян». Во втором предложении это менее очевидно, поскольку и по смыслу оно означает то «всегда», которое ***неизменно за пределами времени***, а вот выходить в эту неизменность из течения времени герою удается только *моментами*, один из которых здесь и описывается — и он логично маркирован прошедшим временем. Это вечно и неизменно существующее, но не всегда доступное

[5] Автор, однако, утверждает: «Меньше всего нарушений наблюдается в трех отрывках в заключительных сценах (10–11), где Кириллов говорит с воодушевлением и дает себе труд договаривать предложения до конца» [Тестелец, 2025, с. 171]. Так что, думаю, здесь открывается простор для исследования и проверки разных гипотез о функциях неграмматической речи у Достоевского.

«всегда» — и, пожалуй, выразить это состояние *временного* выхода в ту область, где время не течет, можно только неграмматически. Вообще, из сопоставления восстанавливаемых автором грамматически приемлемых предложений и эллипсисов Кириллова изумительно видно, насколько Кириллов *не то* говорит, что *в принципе может быть* таким образом восстановлено.

В **рубрике «Достоевский в XX–XXI веке»** представлена статья Энисы Успенской, построенная на сопоставлении рассказа «Злоупотребление» Иво Андрича с «Кроткой» Достоевского. Сопоставление проведено в духе рассмотрения обоих произведений как социальных драм, в феминистской перспективе, через призму «женского вопроса», что, возможно, вполне справедливо для Андрича, но раскрывает лишь один уровень текста Достоевского, не случайно же назвавшего «Кроткую» фантастическим рассказом[6]. Однако этот уровень раскрыт в работе скрупулезно, и — отчасти благодаря именно сопоставлению — в «Кроткой» замечено нечто не очевидное при рассмотрении иными способами и в других ракурсах.

Первый материал **рубрики «Архив»** — работа Петра Дружинина, посвященная публикации неизвестных материалов об изучении творчества Ф.М. Достоевского в Институте сравнительного изучения языков и литератур Запада и Востока (ИЛЯЗВ) в 1920-е годы. Автор обращает внимание на то, что изучение Достоевского в ИЛЯЗВ не было лишь частной деятельностью отдельных его сотрудников — оно было институциализировано, хотя особая группа по изучению творчества Ф.М. Достоевского, возглавляемая В.Л. Комаровичем, просуществовала недолго. Из разрозненных упоминаний в разных документах автор сформировал список подготовленных и/или сделанных докладов о Достоевском в ИЛЯЗВ из 24 позиций. Как всегда в подаче Дружинина, интересен и трогает человеческий уровень открывающихся новых документов: сведений о достоевистах, участвовавших в работе ИЛЯЗВ, и особенно — об аспирантах, уровень подготовки которых и серьезность выполняемых ими работ впечатляют, тем более — на фоне переживаемых бытовых сложностей.

Язык служебных документов иногда оказывается чрезвычайно разоблачителен по отношению к научным установкам и методикам, которые в публичном поле описываются гораздо более учтивым по

[6] Автор в конце статьи и сама говорит о выходе рассказа Достоевского на онтологический уровень.

отношению к исследуемому материалу языком. Вот пример из отзыва профессора Е.А. Боброва о работе Б.Г. Реизова: «Общею задачею книги является желание пересмотреть всю литературную деятельность Достоевского с точки зрения влияний на него Запада — задача, которой доныне почти не занимались. Кое-какие результаты уже получились. Большую часть романа “Униженные и Оскорбленные” ***удалось свести на контаминацию*** двух романов Жорж Санд» [Дружинин, 2025, с. 262]. К сожалению, в области исследования «влияний» до сих пор задача не только решается — но зачастую и ставится именно таким образом: показать, что данное произведение представляет собой не более чем контаминацию нескольких других. Между тем, произведением, которое ***действительно*** поддавалось бы подобной операции, незачем заниматься и его ни к чему читать. Кроме того, нужно учесть, что для Достоевского в максимальном числе случаев срабатывает принцип «похоже — значит не *то же*, но *иное* или *противоположное*» (подробнее см.: [Касаткина, Корбелла, Магарил-Ильяева, Подосокорский, 2024, с. 18–19]). Достоевский чаще всего обозначает сходство для того, чтобы от него оттолкнуться, а не чтобы его воспроизвести. И если мы обнаруживаем в его текстах действительное сходство структурных элементов с каким-либо произведением, то дальше необходимо поставить вопрос ***о значении этих элементов в составе целого.*** То есть обнаружение очевидного сходства — это ***начало***, а не конец исследования, в то время, как во множестве исследований оно слишком часто становится именно концом.

Второй материал рубрики — написанная с привлечением архивных материалов статья Татьяны Панюковой и Мадины Каюмовой о жизни и неустанной службе родной стране и прославленному роду племянника Достоевского, Андрея Андреевича Достоевского (1863–1933), и составленная ими роспись его архива.

В объединенной **рубрике «Биография. Комментарий»** печатается статья Валентины Борисовой, посвященная евангельскому тексту в произведениях Достоевского: автор сосредоточивает внимание на том, на каких языках Достоевский читал Библию и какие именно переводы на русский язык Нового Завета использовал при цитировании, а также на эпизодах явления в произведениях Достоевского Нового Завета как книги, то есть — материального предмета. Из соположения автором некоторых фактов становится видно неожиданное: например, то, что Достоевский почти не имел

шансов встретиться с русским Евангелием вплоть до 1860-х годов, не попади он на каторгу, поскольку изъятый из продажи Новый Завет 1823 года продолжал распространяться (и даже специально для этого допечатывался) только в тюремной системе. Автор, справедливо возражая давней статье о. Николая Балашова[7] и поправляя комментарий ПСС в 30 т. делает иногда, в свою очередь, некоторые поспешные и не вполне точные заявления, которые, тем не менее, могут навести нас на важные выводы. Например, утверждая, что Мармеладов в своей фразе: «Прощаются же и теперь грехи твои мнози» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 21], — цитирует именно церковнославянский текст, автор упускает из виду, что здесь перед нами ***контаминация*** церковнославянского текста и текста Евангелия 1823 года: «***прощаются*** грехи ея многие» (Евангелие 1823 года) и «отпущаются греси ея ***мнози***» (церковнославянский). Из чего можно заключить, что Достоевский, обращаясь к евангельскому тексту, не ***цитирует*** каждую фразу по конкретному изданию (как он делает, если речь идет о цитатах большого объема, и тогда в некоторых случаях поправляя не слишком удачный перевод), а записывает ее ***по памяти***, в которой наиболее точным по смыслу, нужному ему в конкретном тексте, образом соединяются варианты разных переводов. Это, впрочем, согласуется и с конечным выводом автора статьи.

Валентина Борисова полагает, что замена в эпилоге «Бесов» цитирования Апокалипсиса в журнальном варианте по изданию 1823 года на цитирование в отдельном издании синодального перевода (1863) не является технической подробностью, объясняемой условиями корректуры, как считает ряд авторов, но осуществляется Достоевским целенаправленно как исправление неточности журнального варианта, поскольку книгоноши распространяли именно синодальное издание, — и, думаю, здесь с автором нельзя не согласиться.

[7] Которой, на мой взгляд, не стоило бы придавать такого значения — это статья молодого и неопытного тогда автора, склонного к слишком поспешным обобщениям и малоосновательным, но зато глобальным выводам. Но, с другой стороны, без должного обсуждения она остается в научном обиходе в качестве предлагающей ряд неоспориваемых общих положений, на которые поэтому могут без сомнений опираться неспециалисты, так что, привлекая к этим положениям внимание и показывая их неточность, Валентина Борисова делает нужное дело.

Авторы второй статьи рубрики, Алексей Козлов и Валерия Кириченко, рассматривают обстоятельства, приведшие к снижению подписки и быстрому прекращению издания журнала «Заря», мозговым центром и определителем политики которого был Н.Н. Страхов. К статье прилагается роспись всех номеров журнала.

У журнала есть паблики вконтакте и в телеграме (собравшие ныне более 12 400 подписчиков), подписавшись на которые, можно следить за новостями журнала и научно-исследовательского Центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», получить доступ к полнотекстовым записям семинаров и конференций Центра, читать и скачивать книги и статьи о творчестве Достоевского. Адреса страниц:

Vkontakte: https://vk.com/dostmirkult

Telegram: https://t.me/dostmirkult

Журнал издается в сотрудничестве с Комиссией по изучению творческого наследия Ф.М. Достоевского научного совета «История мировой культуры» РАН. Работа ведется в контакте с российским и международным Обществом Ф.М. Достоевского.

Как и прежде, все цитаты из произведений Ф.М. Достоевского, за исключением особо оговоренных случаев, будут приводиться в журнале по 30-томному Полному собранию сочинений писателя (Л.: Наука, 1972–1990), со ссылками согласно правилам РИНЦ. Заглавные буквы в именах Бога, Богородицы, других именах и понятиях, вынужденно пониженные в этом издании по требованиям советской цензуры, восстанавливаются по прижизненным изданиям. Во всех цитатах — опять-таки за исключением оговоренных случаев — курсивом выделяются слова, подчеркнутые автором цитаты, полужирным или полужирным курсивом — подчеркнутые автором статьи.

Наш почтовый электронный адрес — fedor@dostmirkult.ru Рабочими языками журнала являются русский и английский. Мы готовы рассмотреть любые материалы по тематике журнала из России и из-за рубежа. О решениях по публикации или возврате материала авторы будут оповещаться в течение трех месяцев.

Татьяна Касаткина

Список литературы

1. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

2. Дружинин, 2025 — *Дружинин П.А.* Из истории изучения Ф.М. Достоевского

в 1920-е годы: К столетию организации Группы по изучению творчества Достоевского в ИЛЯЗВ // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 232–276. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-232-276

3. Касаткина, Корбелла, Магарил-Ильяева, Подосокорский, 2024 — *Касаткина Т.А., Корбелла К., Магарил-Ильяева Т.Г., Подосокорский Н.Н.* Книги в книге. Роль и образ книги в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» / отв. ред. Т.А. Касаткина. М.: ИМЛИ РАН, 2024. 392 с. https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0784-7

4. Подосокорский, 2024 — *Подосокорский Н.Н.* Обзор II международной научной онлайн-конференции «Книга в книге», посвященной памяти Александра Викторовича Михайлова (1938–1995), 1–3 октября 2024 года // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 4 (28). С. 254–266. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-254-266

5. Тестелец, 2025 — *Тестелец Я.Г.* Языковые эксперименты в «Бесах» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2025. № 4 (32). С. 167–204. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-166-204

Dostoevsky: History and Analytics
From the Editor

Esteemed Colleagues, Dear Readers,

on September 23, 2025, Tatyana Mikhailovna Goricheva crossed the limit of this life. She was a philosopher, writer, social reformer, a woman who loved Dostoevsky and understood him deeply, and most importantly, lived by his teaching. She had been earning a lot of money for years and saved nothing, giving everything to people who were starting and developing social projects, restoring churches, those in need, or even just those who wanted to profit from her generosity[1]. She invited the then impoverished intellectual elite of Russia to Paris with her (at some point, already meagre) funds, because "Russian intellectuals should see Paris." She saved animals in distress because she loved them and because they are our sinless brothers and "Christ has been with them before us" [Dostoevsky, 2009]. Sometimes, she seemed arrogant when she spoke, because she considered herself not a ruler, but a servant, a mouthpiece, a herald, and as a herald provided a solemn tone to her words. Yet, when she spoke from her own thoughts, she often looked open and vulnerable. For some reason, I cannot say "dead," thinking of her. She's alive, I think. And now she looks around with the same—and greater—welcoming joy and irrepressible interest with which she lived her entire life here. Good way to you, dear! You'll have a lot to do there, too.

We publish an obituary dedicated to her, written by Nikolai Podosokorsky, under the heading "**In memoriam**."

[1] I remind how Dostoevsky described the attitude towards money of the main protagonist of his last novel: "Alyosha was one of those youths, almost of the type of religious enthusiast, who, if they were suddenly to come into possession of a large fortune, would not hesitate to give it away for the asking, either for good works or perhaps to a clever rogue." [Dostoevsky, 2009]. The absence of doubts before a person's words about their need clearly demonstrates the high stand of the donor: the asking and extorting, even when they have everything, asks and extorts because they cannot close the enormous hole in their souls with the goods they have. From the human point of view, their greediness should be limited. However, the divine soul suffers, looking at this insatiable hunger, and gives not because mistaken, but because he is too acutely aware of the inescapable need of someone who, as it were, "has everything."

On October 1–3, the last conference of this year organized by our Centre took place: the 3rd International online Conference "The Book in the Book," in memory of Russian philologist Alexander V. Mikhailov (1938–1995). 59 scholars from five countries (Russia, Germany, Netherlands, Serbia, and Croatia) and 19 Russian regions (Altai Territory, Vladimir Region, Volgograd Region, Dagestan, Krasnodar Territory, Crimea, Moscow, Nizhny Novgorod Region, Novgorod Region, Novosibirsk Region, Perm Region, Pskov Region, Saint Petersburg, Samara Region, Saratov Region, Sverdlovsk Region, Tomsk Region, Khakassia, Yaroslavl Region) participated in it. We remind you that this annual conference always takes place on these dates, so those who want to participate can already start preparing for next year. The conference focuses on the theoretical problem of the presence of books, as ***explicitly mentioned texts and material objects involved in the narrative*** in works of world literature and culture[2]. We kindly ask those who will answer to the call for papers to pay attention to the highlighted wording, because the inconsistency of the proposed topic with them is likely to be the reason for refusal to participate.

The 7th International Online Conference of our Centre, dedicated to **the current state of research on Dostoevsky's creative legacy**: "Dostoevsky: Short Forms —2," is scheduled for February 28–March 2, 2026. The first (6th International) conference on short forms brought together researchers from various regions of Russia, as well as from the USA, Japan, Greece, Serbia, and Azerbaijan. 40 papers were delivered on both the theory of short forms and specific analysis of short works in Dostoevsky's *oeuvre*. The concluding part of the conference was dedicated to a round table titled "What can we say about the theory and classification of short forms based on the results of the conference?". In the section "**Summaries. Reviews**" we publish my detailed analytical review of the conference (focusing on both presentations and discussions), along with my full theoretical introductory paper and links to the video recordings of the conference and the round table discussion. It will be useful for those wishing to participate in the conference on short forms in 2026 to get acquainted with it.

[2] For a summary of the previous conference see: [Podosokorsky, 2024]. A brief summary and the full videorecording of this year's conference can be found here: https://dostmirkult.ru/ru/konferentsii/1306-otchet-o-iii-mezhdunarodnoj-nauchnoj-onlajn-konferentsii-kniga-v-knige-posvyashchennoj-pamyati-aleksandra-viktorovicha-mikhajlova-1938-1995-1-3-oktyabrya-2025.

The 28th International Readings "Dostoevsky's Works in the Perception of 21st-Century Readers" will take place on April 2026 (the exact dates will be communicated later). The Readings are an educational conference for researchers of all ages and qualification levels, held in Staraya Russa in cooperation with the Dostoevsky Museums (branches of the Novgorod Museum-Reserve). Online participation is provided only for foreign researchers who are unable to come for objective reasons. We offer the possibility to apply to participate as a listener and join the discussion. We include such participants in the program and greatly appreciate their contribution to the research work during the conference. The 2026 Readings will be dedicated to the story *The Landlady*: this text is required reading for all participants, as this will ensure the possibility to participate in discussions and round tables. Reports on other works by Fyodor Dostoevsky are accepted as well.

The years 2021–2025 have witnessed the release of a significant number of publications dedicated to Dostoevsky and his works. However, they are still far from being fully assimilated by the academic community and are relatively underrepresented in academic contexts. We would be delighted to offer our pages for the publication of comprehensive and substantive reviews, including critical and polemical ones, of books and miscellanies released during this period. Furthermore, we are always open to publishing in-depth overviews of past conferences.

We are delighted to congratulate our regular author Petr A. Druzhinin on his recent success. He has been awarded one of the most prestigious book prizes of the year, the professional humanitarian and book publishing award "Bookworm", in the category "Anchors of Memory." The award ceremony took place on 26th November 2025.

In this issue, under the heading "**Hermeneutics. Slow Reading**" we publish an article by Tatiana Magaril-Il'iaeva devoted to the transformative function of the motif of "leaving the city" in Dostoevsky's early works. Analysing this recurring motif and taking into account the author's definitions of what is "new" and what are "news" in his feuilletons, the researcher shows that what is "new" for Dostoevsky is the ability to see what everyone sees in a way that no one else sees; to express what everyone is looking at in their own words: namely, the novelty lies not in the object, but in the one who looks at it. Leaving the city, the hero rebuilds his eyesight and this movement grants him the ability to see truly new things (even if he cannot hold on to this vision): he is granted to see a world that is not limited by the "immediate, visible, current," not

closed or confined in the boundaries of individuals, but open to fraternal communication; a world that is open beyond its three-dimensional limits inside which the impenetrable, spirit-limiting materiality is created and in which only an impenetrable, spirit-limiting materiality can exist.

Moreover, in my opinion, the article shows very clearly why the controversial feuilleton of 13th April 1847 was not authored by Dostoevsky.

The second article of the section, written by Caterina Corbella, describes the Shakespearean subtext of the novel *Demons*, which is built as almost continuous through several direct, sudden for the reader and, at first glance, poorly founded (and therefore striking and holding attention) references. Its functionality is revealed as a mover of the plot, a commentary on the deeper meanings of the actions and states of the characters (especially concerning the theme of the "impostor"), and a manifestation of some nuances of the author's thought; its axiological role in the novel is also revealed. It should be noted an unexpected, though surprisingly accurate statement of the researcher (which is not the only one of this sort), generating many consequences concerning the nature of Dostoevsky's supratext structures in his novels, built through the choice of "reference" books: Dostoevsky's most Shakespearean text is precisely the one that is most clearly rooted in the historical and political process, and according to the researcher this is due to the fact that Shakespeare shows how the process of ***personal transformation*** affects the historical and political process of a country.

Published under the heading "**Poetics. Context**," Nikolay Podosokorsky's article is devoted to the story "The Demobbed" and it is the first wide-reaching piece of research in the history of Dostoevsky studies on this text, which was firstly included in the diptych *Stories of an Experienced Man*, and then, when the writer processed his early stories for the collected works of 1860, seemed to dissolve into "The Honest Thief." *The remaining text*, which was not included in "The Honest Thief," is published in the academic *Complete Works* under the heading "Variants of lifetime editions" to "The Honest Thief." The author considers "The Demobbed" in its original form, as an integral, independent and *original* piece of work, in terms of the representation of the Napoleonic Wars in Dostoevsky's writings and considering the literary, cultural, and biographical context contemporary to the original story (and not to its later processing).

The second article of the section, written by Olga and Mikhail Dekhanov, is a fascinating dive into the history of sparkling wines, and above all champagne; an immersion that reveals surprisingly much in Dostoevsky's works, mainly in the "A Nasty Story" but not only in it.

The "rule of three glasses" described in the article, for example, allows us to see that during her birthday Nastasya Filippovna, who usually does not drink wine, deliberately and deliberately puts herself on the edge—or rather, puts herself beyond the edge of an altered state of consciousness[3] in order to be able to embark on the radical path of going beyond (on one level of reading) the social stratum to which she is sentenced for life by someone else's sin committed against her, while (on another level) overstep the cage of the world beyond whose boundaries Prince Myshkin is allowed to go at the moment before a seizure. She will stand on this terrible edge for the entire novel, and that is why she will appear to Myshkin, who descends into the valley of horizontal life and looks back in his vision, "on a chain, behind bars and under the lash of a keeper" [Dostoevsky, 2001]. Those for whom the world is a natural habitat, get comfortable in it: it becomes a cage and a chain only for those who decide to get out.

Thus, in this (and not only in this) case, the "rule of three glasses" in Dostoevsky's late work becomes a kind of analogous antonym for "leaving the city" in early texts[4].

In the new section of the journal "**Dostoevsky's Language**," we publish an article by linguist Yakov Testelets, highly heuristic for literary critics and containing the most interesting observations on the uniqueness

[3] "'Gentlemen, wouldn't you like a little champagne now?' she asked. 'I have it all ready; it will cheer us up—do now—no ceremony!' This invitation to drink, couched, as it was, in such informal terms, came very strangely from Nastasia Philipovna. Her usual entertainments were not quite like this; there was more style about them. <…> It was extremely difficult to account for Nastasia's strange condition of mind, which became more evident each moment, and which none could avoid noticing. She took her ass, and vowed she would empty it three times that evening. She was hysterical, and laughed aloud every other minute with no apparent reason—the next moment relapsing into gloom and thoughtfulness. Some of her guests suspected that she must be ill; but concluded at last that she was expecting something, for she continued to look at her watch impatiently and unceasingly" [Dostoevsky, 2001].

[4] Although, however, the motive for leaving the city is antinomic in itself. Going outside the city gives you a new look, and what you can see with it depends on the essence of the person to whom this look is given, and—more obviously—on the point on the circle of time: thus, spring in *White Nights* and autumn in *The Landlady* have very different effects on the hero's soul, while opening his inner eyes.

of the language of two characters in the novel *Demons*: the ungrammatical speech of Kirillov and Captain Lebyadkin.

It should be noted that ungrammaticity of speech in *Demons* is not unique to the mentioned characters (and is not limited to Russian). Thus, "of his native language" von Lembke "had only an ungrammatical knowledge" [Dostoevsky, 1916], in four lines of the young suicide's note "there were three mistakes in spelling" [Dostoevsky, 1916], Marie throws Shatov: "You don't know grammar" [Dostoevsky, 1916]. At first glance, it can be stated that disorder, vacillation, and ruin in the world are accompanied by disorder and ruin in language. It is interesting, however, that Shatov will object to Marya: "It's in the spirit of the language" [Dostoevsky, 1916]. I think this objection is suitable not only to justify one particular statement. Ungrammaticity, oddly enough, in other cases can dramatically increase the suggestiveness, thickening, semantic, and/or emotional saturation of speech: Kirillov's clumsy, constricted phrases are worth philosophical treatises[5], Lebyadkin's short poems open emotional abysses. However, the erased and excessive speech of Petrusha Verkhovensky, as well as the flat, straightforward, one-dimensional, explicit letter "A Noble Personality" (I believe, nevertheless, his, and not Lebyadkin's—as suggested by Testelets—authorship, as it is almost explicitly indicated in the novel) is a completely different story.

I will give one example in which it is obvious how grammatical irregularity gives semantic saturation—and how this fact is invisible when looked from a linguistic paradigm, which, surprisingly, makes it visible from a different paradigm. The author writes: "However, most of Kirillov's cases of spontaneous ellipsis not only contradict the norms of literary language but are also unlikely in colloquial speech, where the restrictions are weaker. For example, Kirillov abbreviates the copula verb (43) or the corresponding noun verb (44) in contexts where such an abbreviation is unacceptable:

(43) *Tut vse pustiaki, potomu chto Lebiadkin ~~byl~~ p'ian* ("It's all nonsense, because Lebyadkin ~~was~~ drunk" [Dostoevskii, 1972–1990, vol. 10, p. 92]).

[5] The author, however, notes: "The fewest violations are observed in the three passages in the final scenes (10–11), where Kirillov speaks enthusiastically and takes the time to finish his sentences." [Testelets, 2025, p. 262] Therefore, I believe there is room for research and testing of various theories about the purposes of Dostoevsky's ungrammatical speech.

(44) *Ia otrkyval glaza i ne veril, potomu cho ~~bylo~~ ochen' khorosho* ("I opened my eyes and could not believe it, because it ~~was~~ very good" [Dostoevskii, 1972–1990, vol. 10, p. 188]).

The absence of an explicit verb is perceived as a form of the present tense. That is, Lebyadkin is drunk and the experience described in (44) occurs at the moment of Kirillov's speech, which he does not intend." [Testelets, 2025, p. 175].

However, both sentences without a verb do not begin to be perceived as the *present* tense form: they begin to be perceived as going beyond the limits of time, as the form *always*. This is more obvious in the first sentence, since it can be understood as simply stating duration and stability in time. It's easy to substitute the right word here: "It's nothing, because Lebyadkin is always drunk." In the second sentence, this is less obvious, however, it also means "always": ***something unchangeable beyond time***. The hero manages to escape into this immutability from the flow of time only in *moments*, one of which is described here—and it is logically marked with the past tense. It is an eternally and invariably existence, but not always accessible. Perhaps, this state of *temporary* exit to a space where time does not flow can only be expressed ungrammatically. In general, it is surprising to see how, from the comparison of the grammatically acceptable sentences restored by the author and Kirillov's ellipses, Kirillov does not say what, in principle, could be restored *in this way*.

The section "**Dostoevsky in the 20th–21st Century**" presents an article by Enisa Uspenski, which compares the story *Abuse* by Ivo Andrić with Dostoevsky's "The Meek One." The comparison is carried out in the spirit of considering both works as social dramas, from a feminist perspective, through the prism of the "women's issue," which is perhaps quite true for Andrić, but reveals only one level of Dostoevsky's text. It is not a coincidence that he called "The Meek One" "a fantastic story"[6]. However, this level is revealed in the work scrupulously, and (partly due to the very comparison) something is noticed in "The Meek One" that is not obvious when viewed in other ways and from other perspectives.

The first material of the section "**Archive**" is a work by Petr Druzhinin, dedicated to the publication of unknown materials on the study of Dostoevsky's work at the Institute for the Comparative Study of the Literatures and Languages of the West and East (ILYAZV) in the 1920s.

[6] At the end of the article, the author herself writes about the ontological level of Dostoevsky's story.

The author draws attention to the fact that the study of Dostoevsky in the USSR was not only a private activity of individual employees, but it was institutionalized, although the special group for the study of Dostoevsky's work, headed by V.L. Komarovich, did not last long. From the scattered mentions in various documents, the author has compiled a list of prepared and/or made reports on Dostoevsky at ILYAZV, listing around 24 positions. As always in Druzhinin's presentation, the human aspect of the new documents is interesting and touching, especially the information about Dostoevsky scholars who participated in the work of ILAZV, and about graduate students, whose level of training and the seriousness of their work are impressive, especially against the background of the everyday difficulties they were experiencing.

The language of official documents can sometimes reveal a lot about research attitudes and methods. In the public sphere, these are often described in a more polite language. For example, Professor E.A. Bobrov's review of B.G. Reizov's work says: "The overall goal of the book is to examine all of Dostoevsky's literary works from the perspective of Western influences—a task that has not been fully addressed before. Some results have been achieved, and most of the novel *The Humiliated and Insulted* is reduced to a combination of two novels by George Sand" [Druzhinin, 2025, p.]. Unfortunately, in research on "influence," the task is often not only unsolved, but also set in a way that implies that the work is nothing but a copy of others. It is not necessary to engage with or read a work that could actually benefit from such an analysis. In addition, it should be noted that Dostoevsky often works according to the principle that "similarity does not mean *sameness*, but rather *something different or opposite*" (see: [Kasatkina, Corbella, Magaril-Il'aeva, Podosokorsky, 2024, pp. 18–19] for more information). Dostoevsky often uses similarity in order to build upon it, rather than simply replicate it. If we find a real similarity between structural elements in his works, it is important to consider ***the significance of these elements within the overall composition***. Finding obvious similarities is just ***the beginning*** of a study, not the end. In many cases, this is where the study ends.

The second material of the section, by Tatiana Panyukova and Madina Kayumova, written with the help of archival materials, is dedicated to the life and tireless service to his native country and the illustrious family of Dostoevsky's nephew, Andrei Andreevich Dostoevsky (1863–1933), and contains a description of his archive compiled by them.

In the combined section "**Biography. Commentary**" an article by Valentina Borisova is published about the text of the Gospel in Dostoevsky's works. The author focuses on the languages in which Dostoevsky read the Bible in and which translations of the New Testament into Russian he used when quoting. She also discusses the appearance of the New Testament in Dostoevsky's works as a book, that is, a material object. The author's comparison of some facts reveals unexpected information. For example, the fact that Dostoevsky had almost no chance of encountering the Russian Gospel until the 1860s, had he not been sent to penal servitude, since the 1823 New Testament, which was withdrawn from sale, continued to be distributed only in the prison system (and even reprinted specifically for this purpose). Valentina Borisovna rightly objects to a long-standing article by fr. Nikolay Balashov[7] and corrects the commentary of the *Complete Works* in 30 volumes, however, occasionally makes some hasty and inaccurate statements, which nevertheless can lead us to significant conclusions. For instance, when claiming that Marmeladov's statement "Proshchaiutsia zhe i teper' grekhi tvoi mnozi" ("Many of your sins are forgiven now" [Dostoevsky, 1972–1990, vol. 6, p. 21]) quotes the Church Slavonic text precisely, the author misses the fact that here we have a ***contamination*** of the Church Slavonic version and the Gospel of 1823: "***proshchaiutsia*** grekhi eia mnogie" (1823 Gospel) and "otpushchaiutsia gresi eia ***mnozi***" (Church Slavonic). From this example, it can be inferred that Dostoevsky, referring to the Gospel, does not ***quote*** each phrase from a specific edition (as he does with larger quotations, in some cases correcting not very successful translations), but rather writes it down ***from memory***, in which the variants of different translations are combined in the most accurate way in order to convey the meaning he needs in a particular text. However, this is consistent with the conclusion of the author of the article.

Valentina Borisova argues that the replacement of the quote from the Apocalypse in the epilogue of the novel *Demons* in the journal edition of 1823 with a quote from a separate edition of the Synodal translation

[7] Which, in my opinion, should not have been given so much importance. When it was written, the article was by a young and inexperienced author who was prone to making too hasty generalizations and making baseless but global conclusions. On the other hand, without proper discussion, it remained in research usage, offering a number of undeniable general propositions that non-specialists could therefore rely on without question. So, by drawing attention to these propositions and showing their inaccuracies, Valentina Borisova is doing the right thing.

(1863), is not a mere technical detail explained by proofreading conditions, as some authors suggest, but was done purposefully by Dostoevsky as a correction to the inaccuracy of the journal edition, as the booksellers were distributing the Synodal edition. I think, it is impossible to disagree with the author here.

The authors of the second article, Alexey Kozlov and Valeria Kirichenko, discuss the circumstances that led to the decrease in subscriptions and the abrupt termination of the publication of the journal *Zarya*, which was led by Nikolay Strakhov and acted as a think tank and policy determinant. The article includes an index of the contents of all issues of the journal.

The journal is on *Vkontakte* and *Telegram* (with already 12 400 followers). You can subscribe to our pages to follow news from both the Journal and Research Centre "Dostoevsky and World Culture." Among other things, all the recordings from seminars and conferences organized by the Centre are published here. Books and articles dedicated to Dostoevsky are also available for download.

Vkontakte: https://vk.com/dostmirkult

Telegram: https://t.me/dostmirkult

The journal is published in cooperation with the Commission for the Study of Fyodor Dostoevsky's Artistic Legacy at the Academic Council "History of World Culture" RAS. Our work is carried out in contact with the Russian and International Dostoevsky Society.

As before, all quotations from Fyodor Dostoevsky's works, if not specified otherwise, are cited according to the *Complete Works* in 30 vols. (Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990), with the references formatted according to the rules of the Russian Science Citation Index. Capital letters in the names of God, the Virgin, as in other holy names and concepts, that were lowered in this edition because of Soviet censorship are here restored in accordance with the editions published during Dostoevsky's life. The author's original emphasis in quotations (where not specified otherwise) is indicated by italics; the emphasis of the author of the article is indicated by bold font (or bold+italics).

Our email address is fedor@dostmirkult.ru. The journal accepts articles in Russian and English. We accept submissions related to the subject of the journal from Russia and abroad. The authors will be notified about acceptance or refusal within three months.

Tatiana Kasatkina

References

1. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990 (In Russ.)

2. Druzhinin, P.A. "Iz istorii izucheniia F.M. Dostoevskogo v 1920-e gody: K stoletiiu organizatsii Gruppy po izucheniiu tvorchestva Dostoevskogo v ILIaZV" ["From the History of Dostoevsky Studies in the 1920s: On the Centenary of the Founding of the Dostoevsky Research Group at ILYAZV"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (32), 2025, pp. 232–276. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-232-276

3. Kasatkina, T.A., Corbella, C., Magaril-Il'iaeva, T.G., and N.N. Podosokorskii. *Knigi v knige. Rol' i obraz knigi v romane F. M. Dostoevskogo "Idiot"* [*Books in the Book: The Role and Image of the Book in Dostoevsky's Novel* The Idiot]. Ed. by T.A. Kasatkina. Moscow, IWL RAS Publ., 2024. 392 p. (In Russ.)

4. Podosokorskii, N.N. "Obzor II mezhdunarodnoi nauchnoi onlain-konferentsii 'Kniga v knige', posviashchennoi pamiati Aleksandra Viktorovicha Mikhailova (1938–1995), 1–3 oktiabria 2024 goda" ["Review of the II International Scientific Online Conference 'The Book in the Book,' Dedicated to the Memory of Alexander Viktorovich Mikhailov (1938–1995), October 1–3, 2024"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (28), 2024, pp. 254–266. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-4-254-266

5. Testelets, Ia.G. "Iazykovye eksperimenty v 'Besakh'" ["Language Experiments in the Novel *Demons*"]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 4 (32), 2025, pp. 167–204. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-166-204

6. Dostoevsky, F.M. *The Possessed or, The Devils*. Trans. by C. Garnett. 1916. Available at: https://www.gutenberg.org/files/8117/8117-h/8117-h.htm (Accessed 12 Dec. 2025). (In English)

7. Dostoevsky, F.M. *The Idiot*. Trans. by E. Martin. Project Gutenberg, 2001. eBook. (In English)

8. Dostoevsky, F.M. *The Brothers Karamazov*. Trans. by C. Garnett. Project Gutenberg, 2009. eBook. (In English).

For citation: Kasatkina, T.A. Dostoevsky: History and Analytics. *From the Editor. Dostoevsky and World Culture. Philological journal,* no. 4 (32), 2025, pp. 12-34. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2025-4-12-34